

18+

ДИКШАНА ПРОВОТОРОВА

ЛЕСНЫЕ
СКАЗАНИЯ

Оксана Провоторова

Лесные сказания

«Издательские решения»

Провоторова О.

Лесные сказания / О. Провоторова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984679-2

На страницах этой книги вы встретите удивительных, но таких родных персонажей. Кот Баюн, Леший, древестницы и даже сам чёрт расскажут вам интересные истории и приоткроют тайны своей жизни.

ISBN 978-5-44-984679-2

© Провоторова О.
© Издательские решения

Содержание

Черный воин	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лесные сказания

Оксана Провоторова

© Оксана Провоторова, 2020

ISBN 978-5-4498-4679-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Черный воин

Эти события произошли давно. Так давно, что верно уже никто и не вспомнит. А если кто вспомнит, то обязательно подтвердит.

Жил в селе Невидовка один паренек. Народом он был не любим, кто-то его даже побаивался. Говорят, что бабка его ведьмою была. Говорят-то, конечно, много чего, только вот и вправду ни одного мужика у него в роду до него самого не было. Не было у него ни отца, ни дядек, ни деда. Вот хочешь верь, хочешь не верь.

А чего его все не любили? Так за язык его. Врать он был горазд. Бывало, как начнет соло-вьем заливать, так все ж знают, что врет, а верят уж через секундо-чку. Приезжие люди так вообще страдали от него сильно. Мог же и деньги выпросить, мол на дело благое – на помощь детям безродным, то на восстановление Невидовского монастыря, какового в селе отродясь не было. Нет, церковь-то была в селе, как же без нее. А вот монастыря-то не было... В общем, наврет складно, что иной заезжий ему весь кошель и отдаст.

А из местных от него девки страдали. Как приметит красавицу, распушится павлином и давай как индюк то одним бочком, то другим, точно пляшет. И хвалбы всякие сыпет, и глазами стреляет, ну не дать не взять кот разжиревший с печи слез. Нужно сказать, не дурен собой был – глаза карие с красноватым отблеском, точно леденец на ярмарке. Кудри смольные, черные, крутые. Сам высокий, статный. Смотришь на таких и думаешь – вот род постарался.

И вот идет он весь такой к барышне, а та прям млеет на глазах, тает как снег по весне на проталине. Только вот любви то он своей никому еще не обещал. Так, поиграется, покружится и давай к другой хаживать. В общем, не парень, а несчастье на женскую долю.

Звали-то его Тимофей. Имя серьезное у него было, а сам он так себе. Ничего человеческого ему не ценно было. Все мечтал он прославится чем-то, да богатым стать. Так и говаривал: «Придет и в мой дом праздник. Мне много не надо. Денег бы побольше, да и будет. Узнаете тогда, чей Тимофей сын».

Верил он, что отец его из рода знатного, потому и скрывается от него. А как придет время, так он сразу за сыном объявится. То ли мать ему так говаривала, то сам напридумывал, но время шло, а отец-то так и не заявлялся.

А тут как-то по весне приехала в город барышня одна. Прямо одна и приехала. Верхом на коне, черном, гнедом. Вся в нарядах знатных с камнями на перстах. Остановилась в трактире местном. Тимофей-то вид гостя заинтересовал. Вот и отправился он следом.

В харчевне при трактире душно было, аж дышать нечем. Поела барышня, потом кружку медовухи не хуже мужика заправского осушила, да видать разморило ее. Откинулась на спинку лавки, да так и уснула.

А Тимофей подсел к ней тихонечко и стал рассматривать. Гостя будто из сказки какой – кожа белая, точно солнца никогда не видала, руки худые, пальцы тонкие, ровные все. Лицо, будто у куклы фарфоровой у барской дочери, и кудри по обоим щекам спадают огненно золотые. Залюбовался Тимофей гостей. Сердце вдруг сжалось в груди, аж дышать трудно стало. Не сдержался парень и поцеловал незнакомку.

Тут открыла она глаза, а у нее зрачки как у кошки, узкие-узкие. Испугался Тимофей, отпрянул от барышни. А она лишь улыбнулась слегка, руки за голову завела, и точно струна вся вытянулась. А потом снова на парня посмотрела и улыбнулась широко.

– Что, хороша я? – наклонив голову на бок, спросила девушка.

Голос ее был тягучим, точно она не говорила, а пела сладко.

– Хороша! – смутился Тимофей и почесал затылок.

– А пойдешь со мной? Я одна свой путь держу, страшно это. Мне охрана нужна. Ну и друг, – на последних словах голос ее стал особенно мягок и нежен. И Тимофей не задумываясь ответил согласием.

На следующий день сельский паренек покинул дом своих покойных матери и бабки и отправился в дорогу с прекрасной незнакомкой.

Куда путь-то держали и не спросил Тимофей. Все шел за незнакомкой по дороге как привязанный. А она на коне впереди едет, нет-нет да обернется и глазами стрельнет. А Тимофей-то от каждого взгляда вздрагивает и точно тело все пронзает стрела огненная.

Так и держали путь мимо полей, мимо рек. А к ночи подошли к лесу старому, большому. Сосны здесь в небо упирались, заслоняя звезды. А из леса так ужасом и веет, аж до костей все тело промерзает от него.

Прямо перед лесом остановилась рыжеволосая незнакомка и спешила.

– Ну, что Тимофей, не страшно тебе со мной в лес темный идти? – говорит.

А парень только головой махнуть и смог, мол, не страшно. А сам точно каменный сделался. А чтоб девица не догадалась, он взор в землю потупил. Заглянула в глаза ему девушка, а как страх прочла в них, так смехом таким залилась, что еще больше страшно стало молодцу. Тут ветер налетел, кудри ее рыжие взмыли вверх, а она руки раскинула и как ввысь взмоет, точно стрела.

Тут лес зашумел, заскрипел, заухал. Ветер еще пуше разыгрался, пыль от земли поднял, ветки мелкие поломал, траву порвал и все вихрем закружил. Глядь Тимофей на коня, а тот в том вихре закружился, завертелся, через голову перевернулся и девицей обернулся. Волосы ее чернявые, глаза как два уголька сверкают в почерневшей тьме. Засмеялась и она, и тоже ввысь взмыла. И смех девиц несся по лесу куда-то вдаль, куда и не видно. Эхом отдавался и все в уши Тимофею лез.

Попятился парень назад, да и упал.

– Ведьмы. Точно ведьмы. Вот попал я – пронеслось у него в голове.

Но не успел домыслить фразу ту, как одна за другой свалились на него с неба три тени, да мешок ему на голову, руки за спину заломили, да связали. Дыхание от ужаса у парня так и сперло.

А смех снова раздался. Страшный и резкий. Тут почувствовал Тимофей, как с земли он подниматься стал. Как будто силы неведомые подхватили его и понесли куда-то. Летит Тимофей, в воздухе точно дитя неразумное в руках матери барахтается, а вырваться не может. А как устал барахтаться – повис, а потом как вдруг рухнет наземь. Упал и ушибся так, что боль по всему телу растеклась как молоко. Тут он с сознанием своим и расстался.

Очнулся Тимофей не сразу, а уж к утру. Разбудил его петух своим криком. Встала птица перед ним, да как заголосит. Он так и очухался, вскочил на ноги, да и попятился от него подальше. А петух знатный – сам черный весь, а гребень красный, точно кровь.

Отошел от страха паренек и стал оглядываться, где он есть. Кругом все темно. Только место где он да петух стояли – лучом солнца утреннего освещено.

Чует Тимофей, под ногами сено шуршит, руку протянул – стена дощатая. Стал во тьму вглядываться – толи сарай какой старый, толи курятник. Да и впрямь похоже курятник, откуда ж еще петуху взяться.

Смотрит молодец, а нет уже петуха. Куда делась птица? Присел на корточки парень и стал звать его, точно друга потерял. Тут в дальнем углу зашевелилось что-то. Только захотел он посмотреть, что там, как черная тень огромная стала на него идти. Отпрянул он. И снова страх обуял.

Из темноты вышла на свет девушка. Вся в черной одежде, толи шелковой, толи еще из чего. А одежда вся блестит и синевой переливается. Лицо белое, угловатое.

Жутко стало Тимофею, и сжался он весь, точно в комок собрался.

– Боишься меня? – спросила странная девица.

– С чего это? – возразил Тимофей. – Что ж ты со мной сотворить можешь?

Вымолвил слова те молодец и в ту же секунду пожалел. Глаза гости сверкнули огнем. Не успел он и моргнуть, как она оказалась подле него. Схватила за горло, впиалась ногтями, да так и протащила по полу в темноту, пока спиной не ударила о стену.

– Да, все что хочешь, – зашипела она на него.

Глядит Тимофей и глазам не верит – а девка-то на земле не стоит, а над землей висит. Сдавила она ему горло еще крепче, что аж захрипел он, да как подняла его вверх.

Висит Тимофей, весь опух, глаза уже кровью наливаются – дышать не может. Тут в глазах его и помутнело. Разве что и смог различить, как яркий свет ворвался в темницу.

Очнулся парень, когда ударил его столб ледяной воды. Подскочил бы, да двинуться не может – руки, ноги в оковах. И цепь к ним привязана. Оковы тяжелые и на шее висят. А вокруг светло все, но различить никак не возможно.

Зрение-то постепенно стало проясняться. И увидел Тимофей, что сидит он на площади. Только брусчатки каменной нет. За спиной колодец. А перед взором – огромный деревянный город. Терема высокие, резные. Есть где и в два этажа. А за домами, куда не глянь – лес.

Ходят по улицам туда-сюда девки. Мужиков и не видать вовсе, сколько не вглядывался.

– Куда ж это меня занесло? – подумал Тимофей про себя.

– Это Зачин, – раздался голос позади парня. Он попытался обернуться и посмотреть, кто говорит с ним, но тяжелые оковы лишь громыхали в насмешку. И тогда кто-то обошел колодец и подошел в плотную к сидевшему на земле юноше.

Повернул Тимофей голову и увидел ту, что привела его за собой сюда, как послушного пса.

– Я – Всемила, а это сестра моя Бояна, – сказала девушка. Голос ее был мягок и нежен, точно пытался утешить. Девица опустила на колени. За ее спиной показалась та, что душила Тимофея накануне утром. Завидев обидчицу, парень попытался отползти подальше, но как только ему удалось переместиться чутка вправо, тяжела цепь зазвенела и резкая боль пронзила шею.

Рыжеволосая девушка протянула Тимофею кружку.

– Ты не бойся ее, она не злая, – заулыбавшись сказала Всемила.

«Не злая, – подумал про себя, парень. – Я думал, сожрет меня с потрохами».

Девушки переглянулись в этот самый миг и обе заулыбались. Бояна махнула рукой и скрылась где-то за колодцем.

– Ты уж, будь добр, поласковее и подобрее думай, – промолвила тут Всемила.

– Я так и думал, вы – ведьмы! – произнес с усмешкой парень и отхлебнул из кружки большой глоток воды. Но он так давно не пил, что все горло сохлось и вода никак не хотела проглатываться.

Девушка лишь заулыбалась в ответ.

– А ты не любишь ведьм? – протянула она слова как песню и, опустив глаза, слегка улыбкунула.

– Какое мне дело до ведьм. Я просто не понимаю, чего меня сюда притащили, – в отчаянии забормотал парень, едва не срываясь на крик.

– А тебя никто не тащил сюда. Ты сам пришел, – раздался вдруг грубый женский голос.

Солнце светило теперь прямо в глаза Тимофею и он не сразу мог разглядеть того, кто загородил ему его свет.

– Нам ты был обещан, но матери твоей пришлось скрыть тебя, чтоб уберечь нас всех. Я – Вышеслава и я знаю о тебе больше, чем ты сам.

Ты был дан нам родом для защиты нас всех, но ты же мог стать нашей погибелью. Потому твоя мать и бабка взяли тебя, и ушли из Зачина. Когда их не стало, мы не знали что с тобой. Видимо твоя матушка позаботилась о твоей защите, но забыла, что и нам будет невозможно тебя найти. Теперь ты там, где должен быть.

Дородная женщина, статная и высокая опустилась перед Тимофеем точно гора. Ее лицо было широким и белым. Глаза зеленого цвета смотрели на парня и точно прожигали его насквозь.

– Хватит дурить, Тимофей. Теперь ты дома и должен выполнить свой долг...

– Я никому и ничего не должен, – перебил ее разгневавшийся парень. – Откуда тебе знать, кто я. Я впервые тебя вижу. А матушка, о которой вы так долго мне сейчас рассказывали, о вас ничего мне не сказывала. Зато сказывала с незнакомыми дядями и тетями никогда не разговаривать, а то беда приключится.

– Это уж точно, – вмешалась Всемила в его речь. И тут десяток женщин, окруживших пленника за это время, разом засмеялись.

Смех их раскатом пронесся над площадью и понесся дальше по улице меж домами.

– Пусть посидит пока, – сказала женщина и поднялась с колен. – Ему полезно.

День тянулся, казалось, бесконечно. К полудню солнце припекало так, что колодец за спиной Тимофея стал точно сковорода. Он отстранился от него. Голову напекало. Юноша то проваливался в небытие, то снова возвращался в этот мир. На площади стало пусто. На улице дальше – тоже не было ни души. Город точно вымер.

Больше не в силах сопротивляться, Тимофей повалился на землю и потерял сознание.

Безумный крик переходящий буквально в тонкий писк словно пронзил Тимофея. Он открыл глаза и попытался оглядеться. Вокруг было темно и почти ничего не возможно было разобрать. Лишь шум. Он нарастал. Стали мелькать отдельные огоньки, женские голоса были встревожены, кто-то из них переходил на крик. Через минуту на площади сотворилась суэта и суматоха. Вокруг запылали пламенем факелы, и стало светло.

Напуганный происходящим и ничего не понимающий Тимофей попытался несколько раз подняться на ноги, но они не слушались его. Внезапно он почувствовал на своих запястьях чьи-то руки. Он обернулся и увидел Всемилу. Та пыталась освободить его от оков.

– Что происходит? – спросил юноша.

– Они пришли за нами, – лишь отрезала девушка. – Помоги нам, я умоляю тебя!

В этот самый миг оковы грохнули о землю, девушка схватила лежащий у ее ног огромный изогнутый нож и побежала куда-то вперед.

Тимофей еле поднялся, но поспешил за ней следом. Он почти бежал, насколько позволяли ему ослабевшие ноги, но ему казалось, что это настолько медленно, что даже стыдно. Он заглядывал в лица женщин, находящихся в тот самый момент на площади. Кто-то из них стоял суровый и серьезный, у кого-то на лице был написан жуткий страх, кто-то еле сдерживался, чтобы не разрыдаться. Но почему-то все они стояли недвижимые и смотрели куда-то в сторону. Только теперь он заметил, что недалеко от места, где он был прикован, между теремами проглядывала огромная каменная стена. И прямо здесь в эту огромную стену, которая каким-то непонятным образом оставалась невидимой им, были врезаны невероятных размеров ворота.

Внезапная тишина пронеслась над головами всех. Не стало слышно ни птиц, ни даже ветра. И тишину эту уже через миг прервал невероятно громкий и страшный рык. Ворота вдруг затрещали. Огромные засовы хрустнули. Раздался пронзительный скрип и скрежет. Правая воротина дрогнула, покосилась и рухнула. И вновь пронеслась тишина. Тимофей взгляделся в темноту, а из нее в отблесках факелов вдруг загорелись два, потом еще два, потом еще два... Огромные желтые глаза.

Резкий запах псины донесся до парня и тихий, почти шипящий рык.

– Вперед! – разрезал ночь напополам крик Вышеславы. Грозная, огромная, она будто на глазах округлилась, потом вытянулась и превратилась в огромную серую кошку. Тимофей обернулся назад, и десятки существ за ним, толи женщин, толи уже кошек, уже бежали за ней следом.

Он упал наземь и они пронеслись прямо над ним, временами задевая и царапая его.

Страшный вой, рев, шипение, шум стоял позади. Тимофей полз не поднимая головы и не оборачиваясь назад. Полз медленно, как избитый пес, трусливо бегущий от соперника.

Шипение и рев перемешались с женскими криками, воплями, пронизывающими визгами.

Тимофей дополз до колодца и наконец осмелился обернуться. Уже на улице происходила какая-то возня. Он всмотрелся в происходящее и замер. Не далеко от того места, где он стоял несколько минут назад и откуда бежал как последний трус, рвался огромный пес. Сверкнув клыками он схватил одну из кошек, которые были похожи рядом с ним на котят.

Еще одну он придавил тяжелой грузной лапой. А после поднял и посмотрел на землю. Прямо перед ним лежала вся в крови девушка.

Он попытался схватить еще одну кошку зубами, но тут его взгляд встретился со взглядом напуганного Тимофея. Пес внезапно остановился и в этот самый момент прямо ему на хребет прыгнули серая и огненно рыжая кошки. Они попеременно пытались достать до самой глотки пса, но тот очнулся и стал сопротивляться. Он как-то умудрился схватить серую кошку за лапу и скинуть с себя. Но как только он попытался ее раздавить, как рыжая ловко сползла на когтях вокруг его шеи. От боли пес взвыл и запрокинул голову. В этот самый момент юркий противник вцепился ему в глотку зубами и вырвал кусок окровавленной шерсти. Пес взвизгнул и рухнул на землю. Рядом с ним упала обессиленная победительница. А Тимофей еще долго всматривался в темноту ночи.

Семь дней и семь ночей не приходила в себя Всемила, оставаясь в образе огромной рыжей кошки. Из ран на ее груди, оставленных укусом огромного пса, постоянно сочилась кровь. Тимофей, неизвестно кем приставленный к раненым, тяготился тем, что не смог или не захотел ничего предпринять в той жестокой схватке. Он прокручивал в голове первую встречу с Вышеславой, когда она уверяла парня в том, что он должен им помочь. Возможно почти уже бездыханная Вышеслава ошиблась и он ничтожное существо, которое не способно ни на что более как отползать назад со стеклянными от страха глазами. Впервые за многие годы Тимофей взглянул на всю свою жизнь совершенно под другим углом. Кем или чем он был? Родная деревня оказалась ему совершенно не родной. Он прожил в ней девятнадцать зим, имел множество друзей, но смог оставить все это в один день.

Кто любил его? Кого любил он? Да по сути никто и никого. В детстве он остро ощущал нехватку этого чудесного чувства, которое так и не коснулось его сердца. Он так часто наблюдал, как его ровесников матери с любовью трепали по голове, нежно, но крепко обнимали, слышал, как восхищались и хвалили их. Но ни разу Тимофей не видел этого от своей матери.

Бабка их умерла так давно, что как ни старался парень, не смог вспомнить даже ее лица. Кто-то из старых товарищей позже рассказал ему услышанную от своих знакомых историю, о том, что та промышляла заговорами и была весьма мстительной бабой, которую деревенские часто попросту боялись и избегали.

Дурная слава легла и на мать Тимофея, когда ту обвинили, что она сглазила дочь деревенского старосты и та из красавицы превратилась в рябую и косую страхолюдину. Причем одним днем. И все потому, что положил на нее глаз один деревенский мужик, заходивший ни раз к ведьме.

Уж так водится на нашей земле – дети отвечают на все грехи родителей – и свершенные, и приписанные. Ведь род человеческий зачастую обделен бывает и умом, и разумом. И так же точно воспитывает смену себе.

В общем и целом парень не особо переживал о ходивших в деревне разговорах. Но тревожился о том, как реагировала на них мать. Женщина год от года замыкалась в себе, почти ни кем не разговаривала. И в конечном итоге отдалилась и от своего сына. Они почти не разговаривали. Лишь однажды, дней за пять до своей кончины, мать позвала юношу и, притянув его рукой к себе, молча поцеловала его в лоб, а после несколько минут смотрела ему в глаза. Тимофей ждал, что она заговорит с ним. Но она так и не проронила ни слова. А после она легла на свою постель и так пролежала пять дней пока ее душа не покинула тело.

Тимофей, столько лет живший в одиночестве под одной крышей с самым кровным человеком, так и не смог до конца понять, что произошло в его жизни.

Сейчас же, в Зачине, ухаживая за совершенно чужими людьми, которые так нуждались в нем, он больше не считал себя не нужным и бесполезным. Он видел глаза Вышеславы в те редкие мгновения, когда вся израненная после битвы она приходила в себя. Лица еле живой женщины касалась улыбка, когда рядом появлялся Тимофей, а в глазах загоралась надежда.

Лучше Вышеславе не становилось, в отличие от Всемилы. Спустя семь ночей рыжеволосая красавица с петухами, провозгласившими начало следующего дня, приобрела узнаваемые черты прелестницы. Она начала дышать ровнее, а кровь наконец-то остановилась и капля ее красным рубином застыла на груди поверх белых тканей, которыми все это время пытались остановить ее течение.

В ту самую минуту сердце Вышеславы перестало биться.

Тимофей уже перестал вызывать какой-то особый интерес у жительниц Зачина. Постепенно он стал чем-то обычным, но вместе с тем, пока еще все таким же непонятным по своей природе. Он думал иначе, говорил иначе. И хоть никогда не вмешивался в дела городские, зачастую невольно помогал женщинам умерить свой пыл и эмоции и иначе посмотреть на какой-то вопрос, дабы достичь согласия и понимания. Тимофею, воспитанному женщинами, было это совершенно не сложно и абсолютно понятно.

После смерти Вышеславы пост старейшины заняла Всемила, которая как оказалось, на протяжении долгих лет служила старейшинам и жителям Зачина, часто рискуя собой. Как посчитали на вечерне, Всемила доказала свою преданность, а потому имеет право возглавить деревню и все дела ее.

Тимофей такому решению оказался весьма рад. Тем более, что они успели по-настоящему сродниться. Тимофей ухаживал за Всемилой и впервые в жизни чувствовал свою важность здесь, в Зачине, для его жителей, которые отдавали юноше свое тепло и добро. Всемила была с ним по-особенному обходительна. Она держала свою статность и горделивость, но между тем не редко проявляла невероятную теплую нежность. Правда, больше такие проявления походили на забытые, в которые время от времени проваливались эти двое, оставаясь наедине.

И вот однажды во время одного из таких моментов с Тимофеем произошло нечто странное.

Прогуливались юноша и девушка тогда вдоль речки, что текла неподалеку от Зачина. Тропинка вдоль реки вела узенькая. И чем дальше дорожка, тем уже становится. Идут Тимофей и Всемила по тропинке все ближе и ближе. И тут, словно искра попала на ладонь Тимофея. Огненная и жгучая. А то не искра была, а рука девушки. Да только не сразу понял то парень. В тот самый момент, как почувствовал огонь в ладони своей, Тимофей увидел перед собой огромного пса со стекающей из пасти слюной. Пес кинулся на парня, тот пошатнулся и повалился наземь. Закрыл он от ужаса лицо рукой, да только слышит встревоженный голос

подруги. Открыл он глаза, а перед ним одна Всемила и нет никакого пса. Рассказал он тогда девушке о видении, а та ничуть будто и не удивилась.

– Говорят, сила в тебе невозможная и могущество, что всех псов замолчать заставит, – промолвила девушка.

– Да и что ж эта за сила такая, коль я сам о ней не знаю? – спросил Тимофей.

– Время всему свое – и силам, и знаниям. А пока жди, да открывай в себе двери, мало ли что за ними...

Не понял тех слов Тимофей. А потому по обыкновению своему решил тему-то разговора и сменить.

– А зачем эти псы в Зачин? – спрашивает.

Улыбнулась Всемила, будто поняв уловку друга, но продолжила разговор:

– Ищут они то, чего нет у них и не будет никогда. Что есть у нас и хранится надежно, под семью замками. Верят псы, что даст им это силу вселенскую и мощь небесную.

– Что ж это такое за чудо, – спрашивает.

– А это, Тимофей, тебе рано знать. Но вот оберегать придется.

В доме старейшины спрятан сундук с самым ценным, что есть у нас. Если не сберечь это и отдать злодеям, то смешается все, и ложь станет правдой, а лекарство – ядом.

Сердце Тимофея наполнилось тревогой какой-то и беспокойством.

Прошло лето, промелькнула осень. И лишь зима белоснежная тянулась долго и мучительно. Хоть жители Зачина не скучали и тогда, когда ворота крепости окончательно занесло снегом. Здесь кипела жизнь, и все были заняты делом. А в часы свободные придавались забавам: строили снежные крепости, катались на санях, а вечерами затягивали длинные печальные песни о весне и солнце.

И солнце пришло. Пришла и весна. За все это время Тимофей сроднился со всеми многочисленными сестрицами, помогал им чем мог, а если не мог сразу решить вопрос, все равно не отступал. Изучал все внимательнее, делил на маленькие шажки и проходил этот путь. А как иначе? Ведь кроме него никто не мог помочь женщинам.

Тимофей мужал на глазах. Теперь уже никто не смеялся над ним, как в первый его день в Зачине. Его уважали, почитали и любили. Сказать взаправду, Тимофею было здесь уютней и роднее, чем дома. Кто-то из сестриц заменял ему мать, кто-то сестру, а кто-то был заботливее и ласковее жены. Но вот по сердцу Тимофею была только одна – Всемила. Правда, с зимы девушка от него заметно отдалилась. Навалилось на ее плечи бремя тяжелое. Теперь уже некогда было забавляться и веселиться ей, приходилось решать вопросы важные, судить женщин в их постоянных спорах и решать вопросы хозяйственные.

С приходом весны работы и у жителей прибавилось. Приходилось Тимофею и плуг освоить, и работу руками делать, и даже чинить то, что раньше выкидывал. Много работал Тимофей. И чем больше работал, тем ценнее становился для него труд. Было и сложно. Женщины Зачина помогали ему, чем могли. Но не было большей для него помощи, чем благодарные взгляды, скромное «спасибо» и стеснительные их улыбки. Чувствовал юноша небывалую силу во всем этом и поддержку. И казалось, что совсем уже осмелел он и сердце его открылось будто бутон невероятного по красоте цветка. И тогда стал чувствовать Тимофей, что просыпается и в нем сила необычная, небывалая. И не в руках она вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.